

* * *

Старушечка-лягушечка –
Колдунья-чернокнижница,
Седая закавыжница –
Молодушка-квакушечка.

Гуляет в чистом полюшке,
Постукивает палочкой...
На гусельках сударушка
Гудит о бабьей долюшке...

Зелёнькою лапкою
Корябает зазнобисто!..
В сосоннике убористом
Свистает камышинкою!..

Шныряет робкой мышкою,
Совой ширяет сизою...
То глянет бедной Лизою,
То рывкнет бурым мишкою!..

Старушечка-лягушечка –
Колдунья-чернокнижница,
Седая закавыжница –
Молодушка-квакушечка.

* * *

Я слышал Моцарта — он плакал!
Я слышал Моцарта — он пел!..
А век — мой век, гремел и звякал,
Кичился, тужился и ел.

* * *

Вечер тает словно птица,
Ветер в поле колосится...
В васильках гуляет дева,
Вся из лунного напева...
Смотрит дева в небеса —
Там безмерность и краса.

Коростель скрипит во ржи,
Ходит стражем у межи...
Зыбкий волк сидит в тумане,
Ждёт полуночных созданий,
Чтобы спеть им песню боли —
О сермяжной волчьей доле...

Смотрит дева на огонь...
Исчезает в волке боль.
Плянул он в седой костёр —
В глотке закипел простор!
Вскинул морду и... взлетел,
Покидая свой удел!

Ветер спит, исчезла птица...
Дева в ночь не наглядится.

* * *

Этот куст белых роз
У кирпичного дома напротив...
Сквозь решётку глядит он
В чужое, как вьюга, окно.

А за окнами споры...
Кто «за» в этих спорах, кто «против»,
Кто-то любит, а кто-то
Уже ненавидит давно.

Кто-то крепко уснул.
Ну а кто-то поёт в одиночку
Или вслух сам с собой
Разрешает конфликт затяжной,

Кто-то мучает близких,
а кто-то сгорает над строчкой,
Над холстом или нотой,
Стараясь остаться собой.

Только куст белых роз
В этот солнечный вечер июня
Равнодушен к страданиям,
Конфликтам и спорам людским.

Хочет в мутном стекле
Он увидеть тепло поцелуя
Отражённого солнца,
Чтоб дальше цвести над мирским.

* * *

— Бедный мой лапа-растяпа! —
повторяла она снова и снова.
— Бедный мой лапа-растяпа!

Д. Селинджер. Лапа-растяпа

Как убежать от одиночества, мой друг?
Как не заплакать над надежды пепелищем?
Растяпа-лапа, где твой милый круг
Друзей беспечных? Их, увы, не сыщешь...

Ни днём с огнём, ни ночью с патрулём —
Исчезли все, как чудное мгновенье...
А время мчится бешеным конём,
И холодит его прикосновенье.

Растяпа-лапа плачет в темноте...
Воспоминанья жгут, с ресниц стекая,
И птицей бьётся сердце в пустоте...
Растяпа-лапа — бедная такая.

* * *

Как сладок запах книги старой —
Такой надмирной, и усталой
От хода бесконечных лет,
От их слепого постоянства,
От беспощадного коварства,
От бреда лет, которых нет...
Листаем мы страницы бед,
Любовий, счастлих запоздалых...
Как сладок запах книги старой!

* * *

Присыпана глазурью снега грязь —
Припудрена изнанка межсезонья...
Иду по грязи, плача и смеясь,
И думая со снегом: — Кто я? Кто я?!

* * *

Искусство существует — и всё.

Уистлер

Вёрткая прядь золотистых волос
Кружит медвяной рекой...

Я замолкаю, заметивши
Вас, тихо теряю покой.

Розою алой то лето цвело —
У пустыря — в лопухах,

Пахло соломой, пыльцой золотой
Лето рассыпалось в прах,

Где через шпалы и кремня дурман,
Мы поспешали к реке,

И возвращались домой под закат,
Солнце разнежив в руке...

* * *

Пепел времени — горечь полыни...
Вечер осени тёмно-синий.
На кровавой калине — иней...
Свет далёких глаз, отпусти меня!..

Ветер бремени, словно птица,
Рвётся в душу и бьёт крылами!
А вокруг чьи-то лица, лица...
Но с души не спадает камень.

Я, как уличная дворняга,
В пепле времени засыпаю...
Тают лица, как хлопья снега,
Свет далёких глаз отпускает.

* * *

Сверкал этот вечер осенний,
Как-будто промыли стекло...
Пестрядевой канителью
Мерцало и грело оно.

Я шёл, вспоминая, как в детстве
Из школы — в конце декабря
Я плёлся... и вдруг, поражённый,
Застыл — от причуды огня!..

Вся в лампочках, может, в три цвета,
А может, в четыре — не суть,
Но ёлка простецкая эта
Открыла мне праздника суть.

Не сиюминутного, что вы,
А праздника жизни, как есть.
В сверкании гирлянды еловой
Открылась мне тайная весть.

В аккорде искрящейся вьюги
И в гамме трёх скромных цветов
Струилась симфония звуков —
Волшебно поющих миров!..

Я понял всю истину чуда:
Его недосказанность — бог,
Рождающий из ниоткуда
Основу прекрасных дорог —

Иллюзии и вдохновенья,
И детского взгляда на мир...
С тех пор вести той мановенья —
Благой мой хранитель-кумир.

* * *

Сидят на завалинке деды...
Я внук их, и в оба смотрю.
А деды, в день майской Победы,
Беседу неспешно ведут...

Плеснув в два гранёных стакана
По-чуть, «Ну, давай, — говорят, —
Помянем Серёню с Захаром
И весь боевой наш отряд!»

«Последние мы с тобой, Мишка!»
«Да, Ванька, остались вдвоих!
Ти есть у тебя папироска? –
Махорки осталось на чих».

Плотнули из мутных стаканов,
Не чокаясь, и закурив,
Молчали, и плыл над бурьяном
Дымок, а они, опустив

Вниз головы, как дым седые,
Вдруг тихо запели вдвоём...
А я, пацанёнок, впервые
Заплакал незнамо о чём.

Сидят на завалинке деды...
Я внук их, и в оба смотрю.
А деды, в день майской Победы,
О чём-то так горько поют...

НА СМОЛЕНСКОМ Ж/Д ВОКЗАЛЕ

Но в тонких ветках рельс, растущих к горизонту,
Но в мареве мазутном ржавых шпал,
В густой тоске карминного заката
Ты вдруг почувствуешь, как долго-долго спал...

И синие огни в разъездах стрелок,
Платформ, путей, вокзальной маеты –
Всё это ты, от пустоты подделок
Бегущий за созвездием мечты.

Под шелестящий перестук металла
Летят дорог бродяжные огни,
И ветер странствий рвётся за началом,
Сметая засыпающие дни...